

Два Алексея

1 мая Алеше ПУРГИНУ из Лисаковска исполнилось 4 года. Его земляк Алексей СЫЧУГОВ сделал ему самый лучший подарок к дню рождения – спас жизнь, стал донором печени.

Кризис

– Это Алексей. А я – Алёшенька! – лукаво улыбается мальчуган. Их так и звали в течение нескольких месяцев, чтобы не путаться.

– Что тебе Алексей подарил? – спрашивает мама у сына.

– Машинки. И печень! – Алёша немного картавит, у него получается «пешень». Зато он отлично разбирается в анатомии человека, рассказывает нам, какой путь проходит пища в организме, называет органы – глотка, желудок, кишечник, прямая кишка... Мама говорит, что Алеша очень любит изучать плакаты на больничных стенах, рассматривать, как устроен человек. Больничных плакатов в жизни этого мальчугана было предостаточно.

Впервые про Алексея Пургина мы писали осенью 2015 года. Четырехмесячный малыш стал участником проекта «Жизнь на ладони», нуждался в экстренной операции по пересадке печени. У Алеша была патология – отсутство-

вашом в больнице, глава семейства практически ночевал в министерстве здравоохранения, добивался квоты на операцию в Турции. И добился. В критическом состоянии мальчика доставили в турецкую клинику, нормализовали билирубин и начали готовить к операции.

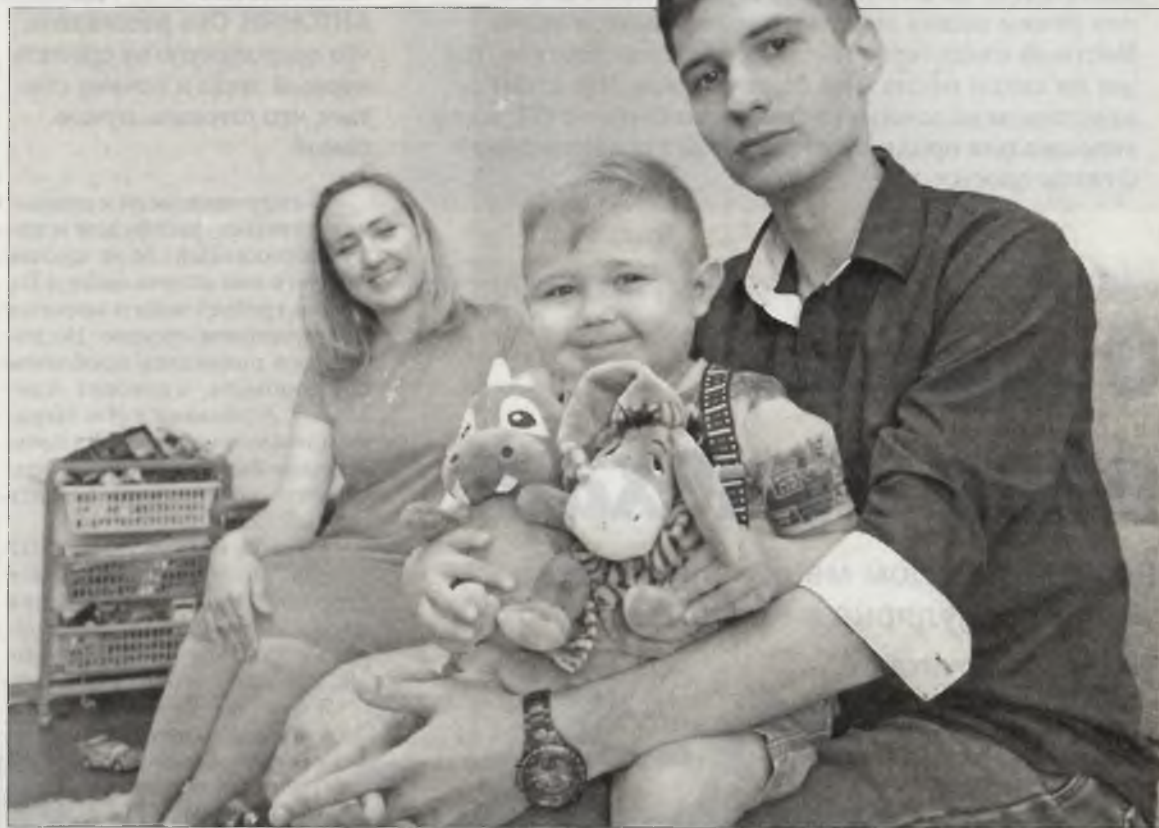
Тем временем шел поиск донора. Об этом в январе написали и «КН».

– Человек 50 откликнулось, – рассказывает Татьяна. – В основном женщины. Большая часть сразу отсеялась: кто-то думал, что нужно сдать кровь, кто-то не подошел по возрасту, полу, состоянию здоровья. Я подругам говорила, что нам обязательно нужен мужчина, не слишком высокий, не полный, молодой. И мои слова словно были услышаны: Алексей позвонил последним, он подошел идеально.

Без очереди

21-летний Алексей Сычугов – земляк Алёшеньки, из Лисаковска.

– Я в 12 ночи увидел в Ин-

для Алеша. Это были самые сложные часы для врачей. Самые сложные дни начались у Алексея после операции.

– Боль такая, не описать... Будто все внутри взорвалось. Кроме боли, ничего нет, ты абстрагируешься от мира, – вспоминает лисаковчанин. – Не мог есть, не мог спать. Болело постоянно. Немного легче стало, когда через 12 ча-

Пока шел процесс приживления органа, мальчика поместили в реабилитацию. Мама была с ним. Алеша спал 1-2 часа в сутки, ему нельзя было есть и пить. Питание организм получал через системы, весь в трубках. Через несколько дней только разрешили дать в день 2 миллиграмма воды.

– Губы потрескавшиеся, сухие, – рассказывает Тать-

живет, нужна будет еще одна операция, врачи будут сшивать мышцы живота. Корсет Алеше не мешает. Он играет в машинки, любит загадывать окружающим загадки и гулять на улице. «Самокат в этом году купили ему, – улыбается мама. – Теперь он едет, а я рядом бегу». Татьяна считает, что нельзя над ребенком трястись и ограничивать его в

желчный пузырь и желчевыводящие протоки в самой печени. Без пузыря еще можно было жить, а вот без протоков – никак. Печень разрушалась, шла интоксикация организма. Мальчику сделали операцию турецкие врачи, которые приехали в Астану. Донором для него тогда стал отец.

– Как вы выдерживаете?

– Один раз не выдержала, – признается мама. – Когда в реанимации сказали, что сыну месяц нельзя будет кушать. Я тогда сорвалась.

Но после той операции начались осложнения, печень не подошла, вновь начала разрушаться. Причину Пургиным четко не обозначили – то ли это произошло из-за того, что операцию турецкие врачи делали не на своем оборудовании, то ли из-за возраста крохотного пациента. Нужна была повторная пересадка.

В январе этого года Татьяна и Алёша вновь оказались в больнице. Сначала в Астане. Мальчику было очень плохо, билирубин (пигмент, содержащий желчь) повысился до 900 (норма 3,4). Ребенок был весь желтый, очень слаб, не мог ни двигаться, ни говорить. Маме уже говорили, что нужно готовиться к худшему.

Но Пургины не сдавались. Пока мама ухаживала за ма-

тернете текст о том, что нужен донор. Сразу же написал сообщение, – рассказывает парень.

– Почему решил стать донором?

– Ну... Я подумал, что там, наверное, нет большой очереди, – улыбается молодой человек.

Он из тех людей, кто больше делает, чем говорит. И вообще, не любит лишнего шума. Даже его папа с мамой узнали о том, что сын стал донором... через две недели после операции. И не от него. «Только бабушке сказал. Просто я с ней живу, она бы заметила, что меня нет», – шутит Алексей. Правда, он и ее не стал тревожить, не сказал, что придется лететь аж в Турцию. Она узнала об этом только накануне приезда внука. Долго плакала.

Молодой человек окончил колледж, работает в ССГПО помощником машиниста экскаватора. На работе он сначала взял отпуск за свой счет, чтобы пройти необходимые обследования. Сейчас на больничном: организм уже почти восстановился, чувствует парень себя нормально, но тяжелый физический труд пока противопоказан.

У Алексея удалили треть печени, желчный пузырь, взяли сосуд из ноги. На память об Алеше у него остались два шрама. Один на животе под грудиной, похож на знак «Мерседеса». Другой на ноге: разрез сверху донизу. На операцию их повезли вместе. Алеша до последнего звал маму, спрашивал, где она. Но не плакал, ведь рядом был Алексей. Их оперировали одновременно на двух столах. 7 часов для Алексея, 9 часов

для Алёши. Алексей разрешили ходить. Я мечтал только об одном – чтобы боль прошла, и можно было уснуть. Думал еще: если мне так, то как же Алёша такое переносит?

Алексею не повезло: обычно донорам после пересадки в первые три дня дают морфин, чтобы хоть немного облегчить страдания, дать передышку. Но у него оказалась аллергия на этот препарат. А обычное обезболивающее, хоть и очень сильное, не давало эффекта. Снотворное тоже не действовало. Алеша переносил легче, на него действовали обезболивающие и он большую часть времени спал.

– Если бы знал, что придется испытать, пошел бы на это? – В тот момент, когда было больно, думал, что нет, – честно признается Алексей. – Теперь думаю, что, наверное, все равно смог бы...

Уникальный

«Алексей сам по себе очень спокойный человек. Его спокойствие, уверенность в том, что все будет хорошо, и нам передавалась, – говорит Татьяна. – С Алешенькой сдружились они. Алексей ему машинки покупал, мы вообще старались чем-нибудь небольшим каждый день сына радовать, чтобы у него настроение было хорошее, настрой оптимистичный».

Операция по пересадке была сделана 21 марта. Алексей восстановился быстрее, в начале апреля он уже поехал домой. А маленькому Алеше пришлось пройти еще одно испытание.

– Говорит мне: «Мама, я хочу кушать. Я хочу пить». Я ему все обещала, что сейчас

– У него должно быть детство, – говорит мама. Добавля-

В честь того, что Алексей пришел к Алеше в гости, на столе тортик. Малышу много нельзя, ограничение в питании. Но иногда нужно устраивать праздники, и поэтому Алеша, довольный и перемазанный, лопает кусочек. «Смотри, правой рукой ест!» – говорит Татьяна Алексею. Оказывается, Алеша левша, но после пересадки печени – вот чудеса! – поначалу начал рисовать и есть правой. Как большой Алёша. У этих ребят теперь не просто много общего, у них на двоих одно пройденное испытание и одна печень.

принесут. И так целый день кормила завтраками. Очень тяжело было. Пошла купила «Лего» и пластилин. Отвлекла. Он молодец, не капризничал и не плакал – только когда перевязку делали. Врачи поражались. И когда в реанимацию поступил другой ребенок, той маме сразу сказали: «Купите ему «Лего» и пластилин».

Нашего Алешу в клинике любили. Он и мама стали героями публикаций еще тогда, в первый раз. Врачи говорят, что мальчик уникальный. Только Татьяна так и не может понять, почему – компетенции переводчика не хватает, чтобы объяснить точно. Вроде бы у Алеша уникальное расположение внутренних органов. Но это неточно: казахстанские врачи говорят, что у него все обычно.

Родителям не важна уникальность. Им нужно, чтобы сын был здоров. Сейчас у Алеша все хорошо. Печень прижилась, желчные протоки в ней есть. Правда, пока мальчик носит корсет. Когда внутри все окончательно за-

ет, что двигаться ему можно. Главное, чтобы не упал.

Татьяна Пургина улыбается. Глядя на нее сложно представить, через что пришлось пройти маме в этом году.

– Как вы выдерживаете такую нагрузку? Это ведь так тяжело: видеть, как ребенку плохо, переживать за него.

– Один раз не выдержала, – говорит женщина. – Когда нам в реанимации сказали, что, возможно, ему месяц нельзя будет кушать. Ревела. Сорвалась, никак не могла успокоиться. А так... я не плачу.

Татьяна говорит, что в самые сложные моменты молится. Она не слишком религиозный человек. Говорит, что Бог – он где-то внутри, глубоко. В критические моменты мама обращается к нему за поддержкой. Говорит: «Ну как я буду плакать? Алеша ведь не плачет, переносит всё. И я тем более не должна».

МАРИЯ ШИЛО

ФОТО

КОНСТАНТИНА ВИШНИЧЕНКО